

Кулишер Иосиф Михайлович

**Очерк истории русской
промышленности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И75

И75 **Иосиф Михайлович К.**
Очерк истории русской промышленности / Кулишер Иосиф Михайлович — М.: Книга
по Требованию, 2024. — 160 с.

ISBN 978-5-519-91750-6

ISBN 978-5-519-91750-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лее первобытному, скотоводству. Обнаружились факты широкого распространения кочевого земледелия в наиболее раннюю эпоху и значительной подвижности земледельцев и в последующие периоды. Далее, лишь высшая форма земледелия, производимая при помощи плуга и скота, предполагает предварительное распространение скотоводства. Но земледелие появляется уже в самые ранние времена—одновременно с охотой—в виде разрывания почвы при помощи крючковатой палки, лопаты или мотыги. От выкапывания из земли ягод и плодов совершается непосредственный переход к закапыванию их в землю. Первоначально это делалось для сохранения; позже, когда забытые в земле плоды стали сами выдвигаться наружу, обращать на себя внимание тем, что они давали ростки,—разрыхление почвы и помещение в них зерен стало производиться уже намеренно, для получения плодов.

Таким образом вся последовательность в развитии периодов хозяйственной жизни оказалась подорванной. Опыт показал, что есть народы, которые одновременно с охотой занимаются и земледелием в ранней форме его и затем становятся народами земледельческими, никогда не знавшими скотоводства, как это было с племенами Америки и Австралии—скотоводство у них позднего, европейского происхождения. С другой стороны, кочевники Средней Азии наряду с слабым развитием земледелия всегда занимались усердным разведением скота. В Западной Европе скотоводство всегда играло существенную роль, но одновременно с ним уже рано появилось и постепенно вытеснило его земледелие.

Как обстояло дело со славянскими племенами, населявшими восточную равнину? Исследователи (Ключевский, Миллюков, Довнар-Запольский, Рожков, Катаев) на первое место выдвигают звероловство и бортничество (пчеловодство) в качестве наиболее ранних промыслов. «Восточные славяне заняли преимущественно лесную полосу равнины... Началась усиленная эксплуатация леса, продолжавшаяся целые века и положившая глубокий отпечаток на хозяйственный и общественный быт и даже национальный характер русского народа. Лесной зверолов и бортник—самый ранний тип, явственно обозначившийся в истории русского народного хозяйства»¹⁾. Эта разработка естественных богатств находилась в связи с торговым движением—меха, мед, воск являлись главными статьями русского вывоза, питая то торговое движение, кото-

¹⁾ Ключевский. Курс русской истории. I. 145.

рое шло по Днепру, по этой «столбовой торговой дороге для западной полосы равнины».

Характерно сообщение начальной летописи: «Древляне живяху звериным образом... ядяху вся нечисто... И Радимичи и Вятичи и Север одини обычай имаху: живяху в лесе, якоже всякий зверь»¹⁾. Не менее яркая картина получается, если иметь в виду, что «Владимир Мономах, этот живой идеал древне-русского князя, в своем знаменитом «Поучении» на ряду с военными подвигами и делами управления ставит свою охотничью удаль и охотничьи удачи и упоминает о ловчих, соколах и ястребах как важной статье княжеского хозяйства»²⁾ «Тура ми два метала—рассказывает Мономах—на розех с конем, олень ми один бол, а два лоси—одни ногами тощал, а другой рогами бил, вебрь ми на бедре мечь отнял, медведь ми у колена подклада укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и конь со мною поверже». Из этого видно, что в лесах Черниговской области водились в XII ст. дикие быки, олени, лоси, кабаны, волки и медведи, водились и дикие кони: «конь дикых своима руками связал есмь в пущах 10 и 20 живых конь».

За ущерб, наносимый ловле пушных зверей («бобровым гонам»), соколиной и ястребиной охоте и пчелиным ульям (бортным ухожьям) «Русская Правда» налагает высокие наказания как в пользу собственника, так и в кассу князя («продажа»). «Аще кто украдет бобр, то 12 гривен продажи»³⁾—столько же, сколько за убийство холопа. Та же сумма «оже межоу перетнуть бортную» (ст. 83), т. е. часть леса, предназначенную для пчеловодства, «оже бортъ подломить» (ст. 86), «оже пчелы выдереть» (ст. 87). «Аще кто оукрадет в чеем перевесе чин пс, или ястреб, или сокол, то 3 гривны продажи, а господину гривну». (ст. 93).

Еще в первой половине XIV ст. Михалон Литвин писал, что (в Западной Руси) «зверей такое множество в лесах, что дикие быки, дикие ослы и олени убиваются только ради кожи... на берегах водится множество бобров», масса и диких гусей, журавлей, лебедей⁴⁾.

Бобровые гоны, бортные ухожья, как и «рыбные езы» (рыбные ловягвы—ловли) принадлежали князьям, как и мо-

¹⁾ Летопись по Лаврентьевскому списку, 9.

²⁾ Рожков. Обзор рус. ист. рин. 1. 2 изд. 17.

³⁾ Русская Правда по Карамзинск. списку, ст. 81.

⁴⁾ Аристов. Промысл. древней Руси, 6.

настырям. В соглашениях с Новгородом князья выговаривали себе право посылать свои ватаги к Белому морю и Северному океану на Терскую и Печерскую сторону за рыбою, зверьем и птицею («ходите трем ватагам моим на море»). В особенности монастыри предпочитали строить в местностях, изобилующих рыбой («место убо мало и кругло, но zelo красно, всюду яко стеною окружено водами»), так как потребление мяса было запрещено. Поэтому-то князья считали своей обязанностью наделять их водами. Еще о Владимире св. говорится, что он пожаловал духовенству «земли, борти, озера, реки, волости со всеми прибутки».

Только к XVII веку упоминаемые о поселениях бортищиков и бобровищиков становятся редкими, лесные поселения этого рода в московском центре совсем перестают возникать. «Владельцы старых бобровых гонов, рыбных ловель и бортиного леса расчищали теперь лес под пашню, ставили новые плотины, и старые зоолого-экономические поселения превращались в «пашенные села»... В середине XVI века юг Киевской губ., вся Полтавская, почти вся Курская и Воронежская представляют такую полосу бобровых гонов, рыбных и звериных ловель... К середине XVII века эти местности уже заселены земледельческим населением»¹⁾.

В центре этот переход к земледелию совершился, повидимому, уже несколько раньше, в течение XVI века. «Куда бы мы ни взглянули,—обратимся ли бы мы к так наз. писцовым книгам... или к разнообразным поземельным актам... отовсюду мы вывели бы впечатление, что пахотная земля являлась главной статьей хозяйства в то время, что она доставляла наибольший доход, что хлеб и другие продукты земледелия составляли основную часть всех доходов с земли, что прочие угодья представляли собой только дополнение. привесок к пашне. Характерно, кнпр., что при продаже и залоге имени цена его определялась сообразно размерам пашни—только»²⁾.

Таким образом добывающие промыслы—охота, пчеловодство, рыбная ловля—лишь постепенно уступили место обработке земли. Славяне земледельцами первоначально не были. Это не значит, что они не возделывали землю. В древляньских курганах, относящихся к X веку, найдены экземпляры серпов и обугленные зерна хлебных растений. Ольга говорит древлянам (946 г.): «все гради ваши преданаея мне, и явися по

¹⁾ Миллюков. Очерки по ист. рус. культуры, I. 6 изд., 72—73.

²⁾ Рожков. Народное хозяйство России в XVI в. (Книга для чтен. по ист. нов. врем. I. 388).

дали, и делают нивы своя, а вы Хотите измерети голодом»¹⁾. Под 997 г. читаем слова старца в Белгороде, осаждаемом печенегами: «себерете аче и не горети овса, или пшенице, ли отрубей»²⁾).

Так что земледелие было известно славянам уже в древнейшие времена и весьма возможно, что «очага земледельческой славянской культуры мы должны искать на юге,—скорее всего на Украине, близко к степи, далеко от хлостящих воздух лесов и болот севера»³⁾). Но из этого, с другой стороны, еще нельзя делать вывода, что «основой древне-славянского хозяйства было земледелие», хотя бы даже ручное. Именно основой оно, по всем видимостям, не было. Ибо «существовавшие земледелия в его господство не одно и то же».

Лишь постепенно крестьянин со своими нехитрыми орудиями — топором, косой, сохой—пробирался по лесам, расчищая почву, выжигая кустарник, завоевывая непроходимые пространства. В XII ст. он уже наносит в Киевской области сохой на лошади: «уже на весну начнет смерд тот орати лошадыю тою, и приехав поковчичи... поймае лошадь». Не раньше XI-XII ст. Киевский находит и признаки частной собственности на землю—эксплоатацию земли, при которой сажалась челядь на землю, появление боярской вотчины.

Наиболее медленно и наиболее поздно паня распространялась на великорусском севере, в Верхне-волжской Руси, где поселенец лишь с трудом среди моря лесов и болот отыскивал редкие сухие островки и принимался за выжигание леса, выкорчевывание пней, подъем целины. Крестьянин пахал немного, несмотря на обилие незанятой земли, не свыше необходимой потребности, слишком трудна была работа. При том «тяжелые приемы обработки земли сообщали подвижной, неуслединый, кочевой характер этому хлебопашеству. Выжигая лес на поля, крестьянин сообщал сушкину землинное плодородие... Но то было несчастливое и скоропреходящее плодородие». Вскоре почва совершенно истощалась, и крестьянин должен был покидать ее на продолжительный отдых, запустывать перелог. Тогда он переносил свой двор на другое, часто отдаленное место, поднимал другую юговь, ставил новый «починок на лесе». Так эксплуатируя землю, великорусский крестьянин передвигался с места на место и все в одну сторону, по направлению на северо-восток, пока не донес до

¹⁾ Летопись по Лаврент. списку. 32.

²⁾ Там же. 87.

³⁾ Покровский. Очерк ист. рус. культуры, I. изд. 2, стр. 45.

естественных границ русской равнины, до Урала и Белого моря» ¹⁾).

Русское народное хозяйство принадлежит таким образом как будто к числу тех немногих, которые развивались по схеме, когда-то считавшейся общеобязательной, якобы существовавшей у всех народов. Но это так кажется только на первый взгляд. Между звероловством и рыбными промыслами, с одной стороны, и земледелием, с другой, по этой схеме должно еще стоять скотоводство. Только за кочевым скотоводством следует оседлое земледелие. Но именно на Руси, независимо от продолжительного господства подвижной, переходящей с места на место пашни, мы этой промежуточной стадии разведения скота и потребления молочной пищи не находим.

В то время, как древние германцы и галлы первоначально кормились своими стадами—их молоком, сыром и маслом, как и убиваемыми на охоте животными, и стада у них достигали крупных размеров, относительно древней Руси этого, повидимому, нельзя утверждать. Правы, как кажется, те авторы, которые исходят из незначительного развития скотоводства у древних славян (Аристов, Покровский, отчасти Довнар-Запольский). Но если бы даже более справедливыми оказались взгляды тех, кто придает гораздо большее значение разведению скота в эту эпоху, то все же получилось бы лишь дополнение к звероловству и борщичеству, как и к зачаткам земледелия, но отнюдь не самостоятельный период преобладающего скотоводства в качестве основного средства пропитания.

В «Русской Правде» фигурирует много скота разного рода. «Аще кто украдет скот на поле, или овцы, или козы, или свиньи» ²⁾. «А за кобылу 60 коун, а за вол гривна, а за корову 40 коун... а за свинью 5 коун, а за пороса ногата... а за жеребѣ 6 ногат, а за коровье млеко 6 ногат» (ст. 42); «коровье млеко» ценится высоко, так же, как жеребец, очевидно, в силу своей редкости. Скот означает деньги, серебро, богатство, скотница—кладовая, где хранилось богатство. Но такая роль скота скорее более свидетельствует о редкости его, чем об изобилии. Деньгами становится вовсе не то, что имеется в большом количестве в стране, а скорее то, что получается в обмен с другими народами ³⁾).

¹⁾ Ключевский, I. 384.

²⁾ Рус. Правда. Карамзинск. спис. ст. 39.

³⁾ Покровский, I, стр. 46 сл.

Действительно, в древнейшую эпоху славяне получали скот прежде всего от изобиловавших скотом степных кочевников—от половцев, татар. Летопись многократно упоминает о захвате русскими князьями скота у половцев (в 1095, 1103, 1152, 1185, 1190, 1191, 1206 г.г.): «взяша скоты и овцы и коней и вельблуды и все же с добытком и с челядью». Таким путем князья могли создавать себе обширные стада, которыми ведали конюхи и овчары; тем более, что кони получались и венгерские (фарн) и татарские («пятно ногойское»). Этому соответствует сообщение Константина Багрянородного, что у русских мало скота и они добывают коров, лошадей, овец у кочевых народов.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обрабатывающая промышленность в древний период.

Известный историк и археолог В. Б. Антонович указывает на то, что в славянских курганах уже древнейшей языческой эпохи мы находим, наряду с предметами, свидетельствующими о занятии земледелием, скотоводством и рыбным промыслом, также многообразные изделия обрабатывающей промышленности. Остатки тканей и пряслицы из красного шпифера указывают на ткацкое производство, железные ножи, ключи и гвозди, как и найденный в одной из древлянских могил кузнечный молот—на кузнечные работы; к гончарному промыслу относятся глиняные сосуды различных форм; к древообделочному—деревянные ведра, оксанные железными дужками. Там же находим плотнические работы в виде могильных срубов, надмогильных настроек. Оружие состоит из шлема, кольчуги, топора, копья, меча или сабли, лука и стрел с железными наконечниками. Наконец, встречается много украшений, в особенности из серебра, большей частью низкопробного—серьги, браслеты, кольца, бусы, последние также из сердолики или стекла.

После принятия христианства «прежние украшения получают более изящную форму и появляются новые их формы, заимствованные из иноземного искусства, в большинстве случаев византийского или восточного. Вооружение остается прежнее и типы его почти совсем не изменяются. То же самое можно сказать о промыслах и занятиях, хотя произведения их, сохраняя основной характер, совершенствуются... Сверх того,

являются многочисленные экземпляры предметов христианского культа» (кресты, тельники, иконы) ¹⁾.

Курганный инвентарь дает нам представление о жизни древних славян, о тех предметах, которыми пользовались они, преимущественно высшие классы, князья и их дружина. Но для выяснения условий производства в эту эпоху раскопок еще недостаточно. Прежде всего мы не знаем, были ли найденные в курганах предметы и какие именно из них туземного или же, наоборот, иностранного происхождения. По поводу украшений на последнее обстоятельство указывалось. Восточное же в особенности византийское влияние настолько значительно, что возникает предположение, что эти предметы импортированы к славянам. Но и в других случаях вопрос этот остается во всяком случае открытым; с уверенностью утверждать, что те или другие предметы изготовлены на месте, можно лишь в отдельных случаях.

Но чего уже совсем мы не можем установить на основании курганных раскопок, это формы промышленности, существовавшей в это время. Если даже допустить, что те или другие предметы, встречающиеся в значительном количестве, производились самими местными людьми, напр., предположить, что вводи, скобки, оковки ведер, топоры, ложки, щипцы, молотки, изготовлялись собственными кузнецами, то совершенно недоказанным было бы утверждение, что они вырабатывались ремесленниками, т. е. для продажи. Одного лишь соображения напр., что «по свойству самой работы керамические изделия не могли быть предметом удобным для производства в каждом отдельном хозяйстве» и, следовательно, поступали в хозяйство путем обмена, еще недостаточно для обоснования наличия производства для сбыта. У первобытных народов мы находим обжигание посуды, промысел весьма распространенный, сплошь нарядом в форме работы для надобностей собственного хозяйства и лишь с течением времени часть посуды выносятся на местный рынок для продажи.

Достигнута ли была здесь уже эта ступень, мы не знаем. Если обилие черепков в том или другом районе указывает на присутствие горшечной мастерской, то о характере этой мастерской и о форме промышленности оно свидетельствует столь же мало, как большое количество остатков других мастерских, обнаруженных в 1907-09 гг. в Купево при раскопках в усадьбах Десятинной церкви. Одни из них служили для

¹⁾ Антонович. Черты быта русских ~~славян~~ по курганным раскопкам. Рус. история, под ред. Довнар-Запольского, I. 132 стр.

приготовления изделий из мрамора, шифера и др. пород камня, другие для обжигания посуды, третьи для выделки эмалевых изразцов, которыми украшалась Десятинная церковь. «Существовали здесь мастерские для выделки предметов из стекла—сосудов и особенно витых браслетов. Особенно многочисленны были мастерские ювелирные, на что указывают во множестве находящиеся формочки для отливки крестов, серег, колец, браслетов, бус и т. д.»¹⁾.

Но не следует забывать того, что понятие мастерской еще вовсе не равнозначуще производству для сбыта и мастерская не должна быть обязательно ремесленной—хотя мы обычно соединяем ее с этим прилагательным. Вполне возможны и действительно существовали, и в эту эпоху и впоследствии в крупных хозяйствах—княжеских, монастырских—мастерские, работающие исключительно для надобностей этого хозяйства, но отнюдь не для посторонних лиц.

Таким образом, для выяснения вопроса о том, какие существовали отрасли промышленности даже в древнейшую эпоху—для времени позже X ст. клады уже отечественные—насколько они были развиты, какие на Руси производились предметы и каковы были формы производства, необходимо обратиться к писанным источникам и переходить из них; курганные раскопки могут явиться лишь дополнением к ним для наиболее раннего периода.

Наиболее ранней формой промышленности является производство изделий для надобностей собственного хозяйства, для удовлетворения его потребностей. Это может быть мелкое хозяйство, напр. крестьянское, которое таким путем заботится о нуждах своих членов, непользуя рабочую силу семьи. Но та же форма мыслима вполне и в области крупного хозяйства, напр., княжеского и боярского, в пределах которого челядь, позже крестьяне изготовляют необходимые промышленные изделия: одежду, утварь, оружие. Такую же форму может, конечно, приобретать и работа монахов как на нужды самой братии (одежда, обувь), так и на потребности монастыря, на его постройку и украшение на богослужебные цели.

Но, конечно, в последнем случае в особенности хозяйство легко выходит при удовлетворении своих потребностей за эти пределы, обращаясь к внешнему миру. Оно пользуется, напр., покупными украшениями или предметами богослужения, доставляемыми торговлей, что было уже весьма рано, или заде-

¹⁾ Рус. история, под ред. Довнар-Запольского, I. 518.

зданиями, заказанными у вольных мастеров. С другой стороны и лица входящие в состав таких обширных хозяйств, напр., монастырская братия, могут производить работу не только для нужд монастыря, но и по заказу мирян. И в том и в другом случае возникает ремесло, но обычно в зачаточной форме, при которой заказчик снабжает мастера, выполняющего работу, нужным ему сырьем. Последний, следовательно, лишь присоединяет собственный труд и притом по указанию потребителя, который, таким образом, пошрежнему руководит самым процессом производства.

Это ремесло в своей первоначальной форме может выполняться либо на дому у самого мастера, либо в помещении заказчика, потребителя. В первом случае все сводится нередко к тому, что, напр., мельник или кузнец предоставляет потребителю пользование своими приспособлениями, так что в сущности никакого ремесла здесь нет—работу выполняет сам же потребитель. Остается прежняя форма производства для собственных надобностей, но только отчасти в пределах чужого хозяйства, пользуясь принадлежащими ему инструментами. Во втором случае, когда работа совершается на дому у потребителя, производитель втягивается в хозяйство последнего, выполняет указанные ему задания не только из полученного от потребителя сырья, но нередко и при помощи орудий и приспособлений, принадлежащих последнему. Но и в этом случае получается тесная связь между заказчиком-потребителем и мастером, и тут производство еще не вполне выделилось из домашнего хозяйства, частью входит в состав последнего.

Самостоятельным производством становится только тогда, когда изделия вырабатываются из материала, принадлежащего производителю, когда, следовательно, весь процесс находится в его руках, им направляется, совершается согласно его собственному пониманию, а не по указанию других лиц. В этом случае получается ремесло в полном смысле этого слова, но значение оно приобретает лишь тогда, когда такое производство для сбыта становится чем-то постоянным, является профессией данного лица, главным источником его заработка. В различные эпохи хозяйственной жизни мы находим, правда, указания и на существование такого рода работ, производимых из собственного материала для рынка, но они обычно составляют явление случайное, едва выходящее за пределы домашнего хозяйства. Работы эти совершаются в дополнение к сельскому хозяйству или добывающим промыслам, совершаются в тесной связи с выделкой тех же предме-

тов для собственных потребностей. Сбыт их на сторону имеет место лишь при наличии избытков, ненужных для хозяйства; только такие излишки, составляющие лишь небольшую часть изготовленного, попадают на рынок. При таких условиях говорить о наличии ремесла едва ли еще возможно. Это только первые шаги по направлению к нему, из которых при благоприятных условиях, в особенности при усилении спроса на данного рода изделия со стороны других хозяйств, может постепенно выработаться ремесло в полном смысле слова.

В своем развитом виде ремесло предполагает оседлый, городской характер. Но оседлость устанавливается лишь постепенно; подобно земледелию, скотоводству и прочим промыслам, и ремесло, в особенности в зачаточных своих формах, отличается кочевым характером. Там, где мастер работает по заказу потребителя, он сплошь и рядом переходит из одного места в другое, из одного хозяйства в другое, выполняя каждый раз указываемое ему задание. Возникают отхожие промыслы строительные—каменщиков, плотников, маляров, но и отхожие промыслы бочаров, кузнецов, котельников, даже портных. Это все еще зачатки чисто ремесленной деятельности, ибо они еще находятся в тесной связи с хозяйством потребителя-заказчика, как и не отделились вполне от сельского хозяйства и иных, производимых для собственных нужд, работ.

В пределах собственного хозяйства производится прежде всего в ранние эпохи одежда из льна и шерсти, составляя главным образом занятие женщин. Это подтверждается и данными, сообщаемыми в наших источниках—в летописях, в житиях святых и т. д. Мы встречаем сборы с населения льном и изделиями из него, платками, полотенцами, скатертями, неводами. По грамоте 1150 г. подать в Торопце выражается в полавотнике (большое полотенце), двух скатертях, трех убрусах и т. д. Монастырские крестьяне прядут полученный лен: «а лен дает игумен в села и они прядут, сети и дели неводные наряжают». О Февронии Муромской в житии ее читаем: «юноша вниде в храмину и узре видение чудно,—сидяше бо единая девица и ткаше красна, пред нею же злат скача». «Княгиня Васильиса нача жити в монастыре... тружася рукодельем». Но выделкой одежды занимались не только в женских, но и в мужских монастырях. Кievo-печерские monks сами пряли лен, «платна делая», а старец Феодосий ночью «сидяше, прядый волну для одежды», а «одежда бе свята, власяна остра на теле его». Преп. Сергей «обувь же и